

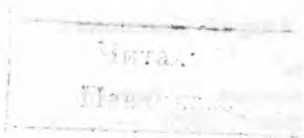
Попов А. С.

“Триптих”
стихотворения

Попов А. С.

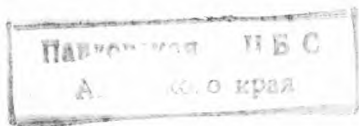
"Триптих"
стихотворения

Барнаул 2005

1 <
П-58

ББК 84 (2 Рос - Рус) 6-5 П 58

З - 46505 -

Попов Андрей Семенович

“Триптих”

Стихотворения. — Барнаул

“Альф-принт”, 2005г. — с. 73

© А.Попов. 2005 г

Навались на меня беда,
Разорвись надо мною небо...
Не забуду я те глаза,
Чьим лицом я любимым не был.

Захлестни меня шторм в волне,
Брось на берег скалистый грубо...
Не забуду я губы те,
Что мои не ласкали губы.

Растопи, словно воск в огне,
Жги тавром, чтобы меты остались,
Но я волосы помню те...
Мои руки их не касались.

Украду, словно вор, мечту,
Море вычерпаю горстями.
Почему не забуду ту,
Что моей никогда не станет?

Я никогда тебя своей не назову,
Ушла, так уходи совсем с моей дороги.
А на губах горит твой жаркий поцелуй...
Я помню, как красивы твои ноги...

Еще один бокал хорошего вина
Мы выпьем, чтобы тем поставить жирно точку.
Изгиб твоих бровей меня интриговал
Всегда. Всегда я был слегка порочным.

Наш первый поцелуй за столько долгих лет...
Наш первый поцелуй последним стать обязан.
Конечно, он во мне оставит светлый след,
Но больше я ничем с тобой не связан.

Я никогда тебя своей не назову,
А ты меня своим назвать и не захочешь.
А на губах горит твой жадный поцелуй...
Магнитофон поет о чем-то среди ночи.

Я тебя прокляну, вдохновенье мое,
Я забуду тебя,
Я пойду на измену.
Я построю спокойное счастье свое.
Чтоб забыли меня,
Возведу вокруг стену.
Я найду, я найду кем тебя заменить,
Я стихи не тебе
Посвящать теперь буду.
Я забуду навек само слово "любить"
И глаза, и улыбку твою
Позабуду.
Позабуду про все, что тебе говорил,
Позабуду слова
И значенье ответов.
Я сожгу все стихи, что тебе посвятил,
Пылью пепел развею
По белому свету.
Я тебя прокляну, я тебе изменю,
Я тебя заменю
Кем-нибудь непохожим.
Во всех бедах своих я тебя обвиню,
Если это тебя
Позабыть мне поможет.

Ты любовница не моя
И не знаю я губ твоих
Для тебя я — нет, не судья, —
Я травую у ног затих.
Легкий ветер над головой,
Ласка солнечного луча,
Я встречаю рассвет с тобой
Птичьей песней в ветвях звуча.
Краду звуки твоих шагов
И влетаю их в нотный стан.
Я зарею гляжу в окно
И твоею любовью пьян.
Пусть любовница, черт возьми!
Пусть соседки косятся вслед.
Если тело струной звенит,
То нельзя не наделать бед.
Я гляжу и люблюсь тобой:
За горячую, бурную кровь,
Словно нимб, над твоей головой
Распахнула крылья Любовь.

ВСТРЕЧА

Нам ли с тобой улыбаться неискренне,
Нам ли разлуки желать?
Ты лишь посмотришь, и солнышко выглянет
Чтобы меня согреть.
Я протяну к тебе руку несмелую,
Волос затрону слегка.
Ради улыбки твоей что не сделаю —
Хочешь, взлетим в облака?
Там среди белого, пухлого, свежего
Будем мы только вдвоем,
И захлебнусь на мгновенье от нежности
Я на колене твоём.
Хочешь, пойдем с тобой звездными тропами,
Крепче за руку держись!
Вот — Водолей, а вон там, осторожнее,
Прячется хитрая Рысь.
Издаেকে Орион рукой машет —
Звезды срываются в лес...
На месте встречи сегодняшней нашей
Тоже хватает чудес:
Солнечный луч сквозь окно пробивается,
Как же ты в нем хороша!
В честь нашей встречи весна начинается,
Выпьем ее не спеша.
Нам ли с тобой улыбаться неискренне,
Нам ли расстаться спешить,
Если опять подтверждается истина:
Видеть тебя — значит жить!

* * *

Посредине пустыни,
Среди белых снегов
Я пишу твое имя
Над осколками снов.
Я кричу твое имя
Звездам над головой...
Не моя, но отныне
Ты навеки со мной.

* * *

Я хочу с тобою встретиться во сне,
Чтоб мы вместе эти сны смотрели,
Чтоб парили от звезды к звезде,
Соловьиные рукой ловили трели.
Чтоб, спустившись из-за облаков
На лесные светлые поляны,
Мы нырнули в океан цветов.
И луна ныряла б вместе с нами.
Чтоб я слышал смеха ручеек
И ответно глупо улыбался...
Если б сон такой я видеть мог,
То б счастливым утром просыпался.

Эта пьяная ночь —
Путь по звездам навзрыд.
Все сомнения прочь:
Для тебя я открыт,
Приходи и владей.
Я без боя сдаюсь.
Поцелуй же скорей,
Я и жду и боюсь.
Я сегодня без кожи —
Обнаженные нервы.
Если взглядом поможешь,
Подойду к тебе первым.
Подойду и признаюсь:
Ты мне голову кружишь.
В том, что грешен, не каюсь.
Так бери, если нужен.
Ночью пьяные звезды
За собой меня манят.
Я распахнут, раскован,
Я сегодня — не тайна.

* * *

Меня целует женщина. Я рвусь
Из кожи, а не то, что из одежды...
И пусть я снова, снова обожгусь,
Хотя и я не тот, каким был прежде.
Пусть я к любви доверье потерял,
Потерян счет нарушенным обетам,
Но вновь и вновь зов крови побуждал
Меня к безумствам с приближеньем лета.
Теперь я точно знаю — обожгусь:
На завтра даже нет у нас надежды.
Но женщина целует, и я рвусь
Из кожи, а не то, что из одежды.

ВЕЧЕР СЧАСТЬЯ

Белую крупу тихо облака сыплот.
Я еще бокал сладкого вина выпью.
Притворюсь, что пьян, подойду к тебе смело,
Обниму рукой и прижмусь к губам спелым.

И пускай за окном
Снег засыплет тропинки последние,
Мы с тобою вдвоем,
Мы от счастья с тобой сумасшедшие.
Нет вчера, завтра нет —
Мы украли мгновенье у вечности.
Закружил белый снег
И укрыл он нас в нашей беспечности.

Я в твоих глазах утону, как в снах было.
Белым полотном нас зима от всех скрыла.
На столе бокал, да роняют воск свечи,
Но не от вина мы с тобой пьяны в этот вечер.

* * *

Тепло изломано
Жаром желания,
Сковано, скомкано...
Грех, наказание?
Губы закушены.
Взгляд затуманенный.
Рамки разрушены.
Птицею раненой
Сердце трепещет
Под жаркой рукою.
Только одежда
Меж ним и тобою.

.....

Вздох трижды порванный.
Слабость иль сила
Вас на краю сейчас
Остановила?

Нам с тобою не о чем жалеть,
Пусть нас развела судьбы дорога.
Эта ночь: так мало и так много...
Нам с тобою не о чем жалеть.

Это — случай, больше ничего.
На судьбу нам не за что грешить.
Ночь прошла, но нам-то дальше жить!
Это — случай, больше ничего.

Стоит ли теперь себя жалеть?
Ты в постели лучше, чем на сцене!
Твое тело... Кто живой — оценит!
Стоит ли теперь себя жалеть?!

Мы с тобою честно разочлись:
Я тебе не должен, ты мне тоже.
Это вряд ли на любовь похоже...
Мы с тобою честно разочлись.

Нам с тобою не о чем жалеть,
Пусть нас развела судьбы дорога.
Эта ночь: так мало и так много...
Нам с тобою не о чем жалеть.

СКАЖИ ПОЧЕМУ?

В небесах далекая звезда.
Белый снег укрыл поля, дороги,
След остался только на пороге.
Мы теперь чужие навсегда.
Лбом прижмусь к оконному стеклу
И шепчу опять родное имя,
Но чужими стали мы отныне.
Почему, скажи мне, почему?
Ветра шум в полночной тишине.
Как он стонет, странник бесприютный!
Лишь зима в душе моей беспутной,
Да звезда холодная в окне.
Я не знаю, кто из нас неправ.
Навсегда твой след в ночи потерян.
Счастье за собой закрыло двери
Мне уходом сердце разорвав.

МИР — НАДВОЕ

Дверь хлопнула,
и мир распался:
Здесь я, а там — за дверью — ты,
И лишь в ладонях оставалось
На целый миг тепло руки.

Теперь мы — врозь.
Теперь — не вместе.
У каждого — свой круг, свой путь
И ты меня, в окошко глядя,
Перекрести и позабудь.

ПРОЩАЙ!

Прощай!
Не говори напрасных слов.
Прощай!
Благодарю за хлеб, за кров.
Прощай!
Давно пора продолжить путь...
Прошу
Меня в молитвах помянуть.
Прости,
Что я нарушил твой покой.
Прости,
Не назову тебя женой.
Прости,
Но путь мне надо продолжать.
Прошу
Меня во след не проклинять.
Пора.
Давно в окно стучат ветра.
Пора
Твой дом покинуть навсегда.
Пора.
Мой тяжкий крест, мой вечный путь.
Прости.
И, если сможешь, позабудь.

Прости...

* * *

Сквозь горячность наших встреч
Проложила грусть тропинку.
Незаметно ткет узор —
К паутинке паутинка.
И твоих коснуться рук
Лишний раз уже не смею,
А гудков коротких звук
В телефоне стал смелее.
И давно уж в сны мои
Ты являться перестала,
Не разлит бокал любви,
Но рука дрожит, устала.
Выпить бы его до дна
По глотку, по полглоточка...
У любви, как у вина,
Вкус приятный и порочный.
Поднеси бокал к губам,
Но вот грусти паутина
Запечатала бокал
Больше, чем наполовину.
Так красив ее узор,
Что от глаз глаза отводит.
Между нами ничего
Ничего не происходит.

Читатель
Павловс.

Павловская

17

Ах, безумие ночей!
Звезды в пьяном хороводе,
Звон серебряных лучей.
Время сердца стук торопит.
Полувзгляд и полувздок,
Полуболь и полуласка,
Продолженье наших снов —
Полубыль и полусказка.
Ты со мной и не со мной,
Я то нужен, то не нужен.
Диск луны над головой,
Голова же в вальсе кружит.
Ах, безумие ночей,
Сердца гулкие удары.
И дрожание свечей
Под негромкий звук гитары.
Толи будет, толь ушло,
Толи никогда не сбыться...
Звезд хрустальный хоровод
Мне с годами чаще снится.

От одиночества двух душ
И до двух тел соединенья —
Один случайный поцелуй,
Одно короткое мгновенье.
В бокалы налито вино
И хмелем в голове играет.
И руки бродят впопыхах,
Чужое тело изучая.
Все жарче, жарче поцелуй,
Дрожит тугой струною тело.
Ты мне сегодня разрешишь
Что никому бы не посмела.
Звучат горячие слова
В крови толчками отдаваясь...
Двух тел закончилась игра,
А одиночество осталось.

РЕЗЮМЕ

Скажи, ты ночью слышишь песни звезд?
Ты знаешь запах радуги весной?
А вкус тебе известен летних гроз?
Тогда - ты сумасшедший, милый мой.
И путь тебе тогда один — в поэты,
Так издавна ведется в мире этом.

ТРИПТИХ

1

Как много нас таких
По белу свету носит.
Морщины на лице.
Зачем? Никто не спросит.
Вполне открытый взгляд
Зачем под брови спрятан?
Пускай не нов костюм:
Опрятен, незапятнан

В любой толпе таких
Увидеть можно много
Усы и борода?
Так их диктует мода.

Вполне обычный тип,
Что взгляд не остановит.
Центральный мой портрет
Для тех, кому я внове.

Здесь улыбкой доброю мне лицо
расцветчено.
Не глаза — безбрежие теплоты и ласки.
Руку протянуть готов первому же
встречному
И впитать чужую боль сразу
без подсказки.
Прячется веселье за ресниц оградой.
Ведь любую шутку поддержать готов.
Завести компанию — лучшего не надо:
На все руки мастер — и без дураков
Погляди — и сразу видно: душа
нараспашку.
За таких и держимся, на таких стоим:
С шуткой-прибауткой хоть в дерьмо,
хоть в сказку,
А текущие проблемы мигом разрешим.
Не дурак душевный, не сухарь ученый,
Пусть и не красавец, но где-то
рядом с ним.
Не хватает разве что нимба золоченого...
Это мы на то, что слева, полотно глядим.

Здесь будто бушевал
Сам Сальватор Дали:
Какой-то темный вал
Пространство придавил.

Как кокон стрекоза,
Сдирают страсти кожу.
Безумные глаза.
Лоб судорги корежат.

Под сумасшедший смех
Грехи ломают тело,
Но самый главный грех, —
Что сделать не успел я.

Здесь даже парাপет
В греховном наслажденье...
Вот третий мой портрет,
Он справа без сомненья.

P.S.

Три стиха,
Три полотна,
Нераздельная троица,
Я один,
Но внутри меня
Все это кроется.
Я один.
Три портрета —
Три эго моих.
А четвертое
Этот
Нацарапало стих.
Сколько ж
Нужно полотен,
Чтоб сказать было можно:
Все
Секреты души
На портретах изложены?

ЛУННЫЙ КОНЬ

Снова звездная пыль устилает мой путь.
В эту летнюю ночь мне опять не уснуть.
Конь оседлан, стоит у ворот за окном,
Лунный свет стремяна оковал серебром.
Ночь в дорогу зовет, застоялся мой конь.
Нас обоих влечет звезд далеких огонь.
Так вперед же, вперед! Удержусь я в седле.
Мы взлетим в небеса, позабыв о земле.
Я из лунных морей скакуна напою,
Чтоб без усталы нес меня — ношу свою.
Искры звездных дождей, будто жертву богам,
Я в руках поднесу к его теплым губам.
Эта ночь — только нам. Эти звезды —
для нас.

О секунды твои бьют копыта сейчас.
Нас с тобою зовет звезд далеких магнит,
Путь неведомый смутной надеждой манит.
Мы не знаем, чем наш увенчается путь,
Захотим ли когда-то назад повернуть,
Или сбросит с небес нас на землю рассвет?
Звезды дарят нам шанс. У нас выбора нет.

Вновь небосвод глубиною манит,
Там для крылатых обитель.
Ангел-хранитель справа стоит,
Слева стоит искунитель.
Телом бесплотны, стоят за спиной,
Но вдруг — дуновение крыл:
Ангел ли в радости взмыл надо мной,
Иль бес черной тенью накрыл?
Невидим пера цвет, быстр их полет
И в чем-то даже похож.
То помощь проси — ни один не придет,
То в душу им влезть невтерпеж.
Я же на звездный смотрю небосвод
И, крылья расправив свои,
Лечу к той звезде, что меня зовет,
Чей свет растворился в крови.
Пусть двое за мною свой чертят след,
Путь я выбираю сам.
Летим, как тройка лихих комет
По жаждущим небесам.

* * *

Запах ушедших минут.
Тяжесть утерянных лет.
Птицы протяжно клянут
Вновь опоздавший рассвет.
Где-то в пропавшем вчера
Умер не сделанный жест.
В завтра отходит корабль,
Но не хватает там мест.
Снова, мгновенья казня,
Плачет клепсидра водой.
Время не знает "нельзя!",
Время не слышит "постой!".

* * *

Снова дождь за окном — тук да тук,
Протяни мне ладонь, милый друг,
Погляди мне в глаза, улыбнись,
Позабудь обиды, ночью приснись,
Чтоб забылся шум дождя за окном,
Чтоб мечталось нам вдвоем об одном,
Чтобы грусть ушла водой дождевой,
Чтоб унылый дождь стал краткой грозой.
Но опять тебя рядом нет.
Мелкий сыплет дождь уже много лет,
Лишь во сне и видим солнца лучи.
Отзовись, мой друг! Ты где? Не молчи!

Дорога в никуда, а может бег по кругу?
 Вновь руки пожимать и недругу, и другу.
 Без цели вновь спешить. Или забыв о
 цели?
 Как в этот бега ритм втянуться мы
 успели!?
 И лишь порой, когда от спешки “едет
 крыша”,
 Вдруг вспомнишь — есть душа, и
 крик ее услышишь,
 И свой увидишь круг, а рядом — путь
 прямой,
 Но вновь не хватит сил его назвать
 судьбой.
 И снова: крышка — щелк, упрячешь
 душу в ларчик,
 Вновь в круге видишь толк, не зря
 же он был начат!
 И колею торим все глубже и все злее...
 Так как же из нее мы вылезти сумеем?

ЗАВЕТНОЕ

Остановлю свой бег хотя бы на минуту,
Спокойно осмотрюсь и место подберу,
Где небо и земля росу рождают крупной.
Здесь храм своей любви по капле соберу.
Из золота берез в нем выстроены стены,
А неба синева послужит потолком.
Неведомы ему обманы и измены,
И я зову сюда всех тех, с кем был знаком.
Пусть тем обижен я, а этот мной обижен,
Но боль пустых обид растаяла давно.
Пусть сад моей души не чесан и не
стрижен,
Я буду не один луну ловить в окно.
Пусть все, кого люблю, любил и буду
помнить,
Найдут здесь кров и стол, надежду и покой...
Найти бы место мне и этот план исполнить,
И помириться тем с хромой моей судьбой.

Воле тихой обмелевшей речки
(Я не знаю, как ее зовут)
В чистом поле зажигали свечи
И гадали на свою судьбу.

У каких событий на пороге?
Что в грядущем встретить предстоит? —
Мы просили, чтоб открыли боги.
Кто-то верил, кто-то делал вид.

Мы вином вокруг кропили землю,
Ладан и янтарь на свечах жгли,
Чтобы подглядеть, что скрыто тенью
На пути, что ждет нас впереди.

На ветле кричали громко птицы,
Ветерок огнем свечей играл,
Но молчали боги. Стыли лица.
Поднимался солнечный овал.

То ли жертва негодна богу,
То ли чей-то скепсис виноват, —
Продолжали мы свою дорогу
И судьбу, как прежде, наугад.

Пусть христиане мы с тобой,
В душе — язычники, как прежде:
Живет в чулане домовой,
И в чаще поджидает леший.
Мы осеним себя крестом,
Храм православный заприметив,
Но твердо знаем, что в реке
Всегда русалку можем встретить,
Что есть душа и у земли,
И у огня, и у железа...
А крест — пусть будет на груди,
Ведь, может быть, и он полезен.
Он символ солнца, воскрешенья,
Знак Родогаста и Христа.
Тысяча лет прошла с крещенья —
Языческая Русь жива.

Предназначена грусть
Как болезнь, как утрата.
В дверь закрытую ткнусь —
Вновь напрасна сил трата.
Видно, не исчерпал
В своей карме потери,
Потерял не ключи,
А надежду у двери.
Предназначено жить,
Слава Богу, не вечно.
Может, в жизни последней
Был я слишком беспечным.
Может вера в “авось”
Жизнью той управляла.
Безнадежность сейчас
Веру ту уравнила.
Предназначена смерть,
Как последняя нежность,
Но прервет ли она
Дней земных неизбежность.

* * *

Там, где кончается вчера,
Там, где до завтра полмгновенья,
Есть миг, короткая пора
Чтоб разрешить свои сомненья,
Чтоб взвесить истину и ложь,
Чтобы, споткнувшись, вновь подняться.
Здесь неожиданно поймешь
Кого любить, чего бояться.
Есть время сделать верный шаг,
Пожать протянутую руку,
Сказать, что сделал все не так
И этим отвратить разлуку...
Здесь, между небом и землей,
Где боль и радость слезы выжмут,
Одно мгновение с тобой,
Что мы зовем обычно жизнью.

Из жизни в жизнь переходя,
Несу я груз своих потерь.
Пусть говорят, что все пройдет,
Пусть говорят, а ты не верь.
Который раз передо мной
Ложится жизнь, как белый лист.
А сколько мятых за спиной?
И шепчет кто-то: оглянись.
Любовь и дружбу повстречав,
Уж знаю, что не удержать.
Я груз потерь своих несу,
Как будто Каина печать.
Я вновь, спасения ища,
Стучусь в распахнутую дверь.
Все время лечит, говорят.
Пусть говорят, но ты не верь.

МНЕНИЕ ЗАБЛУДШЕЙ ОВЦЫ

Перст указующий судьбы
Вновь тычет строго.
А у меня свои дела,
Своя дорога.
Пусть я заблудшая овца
В элитном стаде,
Но слушаю я не всегда
Того, что сзади.
Звон колокольный впереди
Зовет и манит,
Но я с опаскою иду,
А вдруг обманет?
Не знает, может, сам вожак,
А путь — на бойню...
Нет, я иду своей тропой,
Мне так спокойней.
Здесь край дороги есть всегда
Чем поживиться:
Найду чем голод утолить
И чем напиться.
Конечно, можно повстречать
И волчью стаю,
Когда шагаешь не в толпе,
А где-то с краю.
Но лучше думать в смертный миг:
“Сам ошибался”,
Чем всей отарой — на шапшлык,
За что продался?

Мерно времени ход
Отбивают часы:
Все вперед и вперед,
Их проси — не проси.
Все тик-так и тик-так,
Грустен времени ход.
Так прошли дни, не так?
Их никто не вернет.
Стрелка делает круг:
Не спешит, не ползет,
Безразличная, вдруг
Жизни час украдет.
Мы сквозь время идем,
А назад пути нет.
Потеряем? Найдем?
Есть вопрос. А ответ?

Есть белый свет, есть черный мрак.
Есть рядом друг, есть где-то враг.
Там, за окном, — жестокий мир,
Мы спрятались в тепло квартир.
Ведем тайком свой счет потерь,
Закрыв сперва покрепче дверь.
Задержав шторы поплотней,
Себя мы чувствуем смелей.
Но лишь в ночи, проснувшись вдруг,
Не слыша никого вокруг,
Чужие уши не любя,
Мы честно слушаем себя.
И лишь когда сквозь щели штор
Блеснет звезды далекой взор
Ложатся строчки на листок
То вкривь, то вкось, то поперек.
Скорей, пока нашел слова,
Пока не в силах голова
На чувства наложить запрет,
Стихи рождаются на свет.

Вновь черный снег
Среди белых ночей.
Нерасслышанный смех,
Пламя сальных свечей...
Недостроенный храм:
Толь — костел, толь — мечеть?
И по голым ногам
Протянула тень шлеть.
Потерялись ключи...
Незаконченный вздох...
В раскаленной печи
Позабывтый пирог...
Соль застывшей волны...
Плеск волос на ветру...
Пусть глаза слез полны,
Продолжаем игру?

Грусть тянет вниз свинцом.
Мой путь завел в пустыню.
Любимое лицо?
Его забыл я ныне.
Я помню рук тепло,
А выраженье глаз,
Как капли, растеклось,
Исчезло, как мираж.
Песчаные холмы.
А ветер — вечный странник —
Сотрет мои следы.
Я даже здесь изгнанник.
Я даже здесь чужой.
Мир, как песок, неверен.
Несу свой груз с собой:
Печали и потери.
Я потерял цвет глаз,
Что были всех дороже,
Я потерял друзей,
А с ними годы прожил,
Я потерял покой,
Уверенность, надежду...
Песок передо мной такой,
Как сто верст прежде.

* * *

Он отбился от стаи,
Значит — он не такой.
И старуха седая
С занесенной косой.
И собаки в облове
У него за спиной
В лае глотку сорвали —
Переходят на вой.
Кровь упала на траву
Рядом с торной тропой...
И никто не жалеет,
Что он был не такой...

По низкому небу тяжелые тучи
Плетутся, как вол в колеснице скрипучей.
Их гладят по брюху высокие сосны
Роняя снежинок холодную проседь.
Качаются сосны, сгибают вершины
Под грузом тяжелым пушистой лавины.
Нет в мире причины, чтоб тучам растаять,
Все небо закрыли от края до края.
Неспешным движеньем, уверенным ходом
Они отрицают суть ясной погоды,
Провозглашая величие Тени.
О, как безразличен их бег постепенный!
Все ниже пушистые темные глыбы,
Укрыли Аляску, укрыли Карибы,
И даже просвета в рядах их не видно...
Так хочется солнца. Досадно. Обидно.

* * *

Не ищи меня в ночи — не найдешь.
Я ушел сегодня в прошлый февраль.
Не кричи мне вслед, мол там пропадешь,
Пусть окружит меня снежная даль.
Мне сегодня ночью хочется петь
Среди голых и промерзших берез.
Надоело снова медленно тлеть,
Захотелось вновь волнений и слез.
Захотелось вновь по ком-то страдать
И ладони чьи-то греть у лица.
И не надо никому понимать,
Почему в февраль шагнул я с крыльца.

Я вернусь, конечно. Завтра вернусь,
Прошлогодний снег с себя обмету
И, как в омут, с головой окунусь
В ежедневную свою маету.

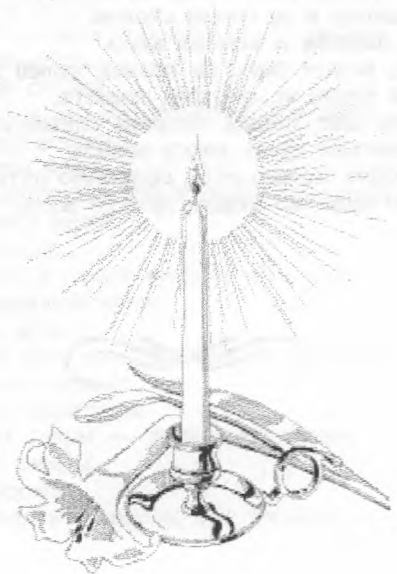
Осенние ночи.
Озябшие звезды.
В рваное облако кутаться поздно.
Опавшие листья,
Торчащие ветви.
Луна не согреет, не верьте, не верьте!
Холодные ветры.
Закрытые ставни.
В дорогу вдруг все собираться устали,
Отложены встречи,
Отсрочены визы.
И лишь неприятностей ждут от сюрпризов.
Протяжные звуки,
И те еле-еле.
Как будто и песен весною не пели.
Земли влажный запах.
Иней на крыше.
Крадется зима по сугробам не слышно.
Пока еще осень.
Все ждет перелома.
И сердца удары — раскатами грома.
Озябшие звезды.
Инея проседь.
Над ночью, над миром, над душами —
осень.

* * *

Я понял вдруг — мне некуда спешить
И птицу счастья незачем искать.
Отныне можно мне спокойно жить:
Есть крыша, стол и мягкая кровать.
Не одинок я за своим столом —
Есть сыновья и верная жена.
Пусть, может быть, не полной чашей дом,
Но из углов не смотрит нищета.
Теперь мне, право, незачем спешить
И второпях удачи хвост ловить.
Спокойно можно есть, спокойно пить,
Но до чего же тяжело *просто* жить.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

Faint, illegible text visible in the background behind the candle illustration, likely bleed-through from the reverse side of the page.

РАЗДОРОВ СЕРДЦЕ

Тому, наверно, сто веков назад
Звезда-скиталец Солнце заслонила.
Хоть не сожгла всю землю, говорят
Легенды, но бед много натворила.
Все было: голод, мор, пожары, и
Сама земля ходила под ногами.
И вот тогда-то с бешеной звезды
Упал на землю этот странный камень.
Он не велик размерами — в кулак
Не воина, а женщины всего,
Но пламя в нем рассеивало мрак,
И жажда исходила от него.
Та жажда не воды, не власти — крови,
И тот, кому он в руки попадал,
Покуда в битвах сам не обескровит,
Всех на своей дороге убивал.

Так шли года, менял хозяев камень,
И кровь лилась. Все ярче он сиял.
И лишь один великий Маг Урамен
Дорогу к избавленью указал.
Он много лет скитался по следам
Владельцев камня, по их жертвам плача,
И вот к восьмидесяти двум годам
Он тех нашел, кто справится с задачей.
То были братья-близнецы, отрада глазу —
Красавцы и атлеты Кен и Кит
С рождения не ссорились ни разу.
Открыл им Маг, что сделать предстоит:

“Средь вечных льдов на севере гора
Стоит, ступеньки вверх ведут.
Не помнят люди, кто, зачем, когда
Их вырубал, неимоверный труд
Приложив. Путь ведет к пещере.
Она, петляя, вьется в глубь горы.
А вход надежно закрывают двери.
К ним нет ключа, бессильны топоры
Вход прорубить, и только лишь заклятья
Откроют эту дверь на малый срок.
Должны в пещеру в это время братья
Войти и вновь вернуться на порог.
Провал есть в самой глубине пещеры,
Там камень можно спрятать на века.
Я дверь открою, преисполняя веры,
Готовы ль вы?” Сказали братья: “Да”.

Прошло пять лет. Добыли камень братья,
На север повернули бег коней.
Урамен был готов, чтоб снять заклятья
Со старых заколдованных дверей.
А Кен и Кит в пути делились грузом,
И камень свое дело продолжал:
Так брату брат казаться стал обузой,
Впервые в жизни брату брат мешал.
И, видно, так длинна была дорога,
Что Кен и Кит схватились за мечи,
Когда до цели было так немного, —
На край провала камень положив.
Закрылась дверь. Мечи сердца пронзили.
“Раздоров Сердцем” камень Маг назвал
Вернувшись к людям, и, чтоб не забыли,
На камне предсказанье написал:

“В ту пору, как ростки беды созреют,
В роду последние, забыв про месть,
“Раздором Сердце” отыскать сумеют,
Чтобы его последний шаг пронести”.

I

Под раскатистый бубен шамана
И пронзительный голос свирели
В балагане вне общего стана
Мы постились четыре недели
Нас вода и огонь защищали:
Был родник посреди балагана,
И охалками хворост швыряли
В пламя быстрые слуги шамана.
Очищали мы душу и тело,
Привыкали друг к другу, гасили
Жажду мести, что все еще тлела,
И надежды у духов просили.

Четырех нас призвали шаманы,
Чтоб заветы легенды исполнить:
Уничтожить тот проклятый камень,
О котором почти и не помнят.
Первым был славный воин Джуначи —
Младший сын вождя племени танов,
Сколько вдов его милостью плачет,
Проклиная его неустанно.
Был Мугамби вторым, знаменит он
Далеко за пределами рода:
Ему беды в грядущем открыты,
Он, хоть слеп, а укажет дорогу.
С островов знойно-синего моря
Приплыла славный лекарь Зиροко,
Что со смертью умением спорит
Так, что смерть отступает до срока.

Я же — просто поэт и сказитель,
Я — скиталец, и дом мой — дорога.
А ддя подвигов, уж извините,
Хоть и избран — не тот я немного.
Но я был тем же знаком отмечен:
Все мы — дети погибших родов,
И всего только за день до встречи
В мире не было злее врагов.
А теперь, перед дальней дорогой,
Чтобы к “Сердцу Раздоров” дойти,
Нам простить предстояло так много,
И ддя дружбы в душе сил найти.

II

Не пропал звездный камень в пещере.
Так напитан кровью и слезами,
Что, хотя закрыт был прочной дверью,
Все пылал, не мерк раздоров пламень.
И землетрясение, нарушив
Тишину, пошевелило гору.
Трещина открыла путь наружу,
Обойдя заклятия затворы.
Воздух, что отравлен был раздором
(Ведь веками камнем облучался),
Хлынул в мир, и близь горы той скоро
Редкий из людей в живых остался.
Дальше — больше: страны и народы,
Кто Раздора раньше не боялся.
Гибли семьи, вырезались роды...
Так одним я на земле остался
В раннем детстве. От налета танов
Спасся по случайности нелепой:
Песню сочинять ушел из стана
И бродил, реальности не внемля.

А когда с рассветом возвратился,
Оказался без семьи, без рода.
Лишь от хижин дым еще струился,
И с тех пор всегда мой дом — дорога.
Так случилось из четверки с каждым:
Все мы из враждующих родов,
И сердца пылали мести жаждой —
Был любой других убить готов.
Но шли дни, и нам помог смириться,
Если не забыть — отсрочить месть,
Долга груз. Смягчались души, лица,
И уже могли без страха сесть
Вкруг ключа плеча плечом касаясь
И, смотря, как плещется волна,
Руки сжать друг другу, соглашаясь,
Что судьба теперь у нас одна.

Ш

Мы проснулись утром в тишине:
Бубен за стеною не звучал.
И костер у входа не горел.
Звон ручья лишь за собою звал.

Было утро раннее. Вскочил
Чуть над горизонтом Солнца край.
И шаман с поклоном разломил
На четыре части каравай.
Ждали нас оседланные кони —
Путь лежал не легкий впереди.
И земли коснулись мы в поклоне,
Ощувив невольный страх в груди.
По руке мечи нам подобрали,
По плечу кольчуги, впору шлем
Голубой небесной прочной стали,
Пусть без украшения совсем:

Золота прекрасней и эмали
Свет играл в них струями воды.
Есть примета — шлем небесной стали
Сам вас защищает от беды.
Не было ни криков, ни напутствий.
Молча каждый повод в руки взял.
Да, есть кони краше, но нет лучше,
Тщательно шаман их выбирал:
Невысокие, лохматые, худые
Славились во всех краях земли
Тем, что равно — горы иль пустыня,
В холод и в жару свой груз везли.
В скачках пусть они не побеждали,
Но неся и груз, и седока
Целый день без отдыха бежали,
При необходимости — и два.
Их выносливость легендой стала.
Славе той цена была подстать —
Слиток золота не много и не мало
В голову ребенка. Все отдать
Согласился бы, наверно, каждый,
Чтоб коня такого получить,
Но редки они. И видел только дважды
Я их в жизни, трижды, может быть.
Нам в седло вина подали кубки.
Пригубив, мы выплеснули их
На дорогу, пусть удача будет
Нам в пути, и седоков своих
Пусть несут, да не устанут, кони
До конца неблизкого пути.
И шаман склонился вновь в поклоне
Волосы седые распустив.
Долгий путь нас ждал, все это знали:
Степь, пустыня, лес и та гора,
Где "Раздоров Сердце" — звездный камень
И его зловещая нора.

IV

По степному раздолью куда хочешь скачи,
Если конь твой силен и вода в бурдюке.
Травы — в пояс, да идол забытый торчит.
Так бы все позабыть. Сокола на руке
Вверх взметнуть, направляя на выводок дроф
И, прищорив коня, устремиться за ним.
А потом — у костра, не заботясь про кров,
Поделиться добычею с другом своим.

Зной, кузнечиков звон, и волной по траве
Пробирается ветер — посланец пустыни,
Треплет гривы да волосы на голове.
А в зените вдруг звонкая птаха застынет
И поет, своим голосом мир заполняя...
Опалило нас солнце, мы забыли про тень.
Мы в пути две недели. От края до края
Степь пройти предстоит. На пятнадцатый день
Вдруг Мугамби велел надевать нам кольчуги.
Говорил: “Впереди нам опасность грозит”
А Джуначи шутли: “Никого нет в округе.
Для кого принимать героический вид?
Отыскать бы в степи нам врагов хоть десяток,
Вот тогда пригодится кольчужная сталь”.
Был настойчив Мугамби, по-прежнему краток,
Лишь невидящим взглядом обшаривал даль.
Нас же травы да зной, как всегда, окружали,
Тот же беркут плывет в облаках одинок...
Было за полдень, мы вдруг коней
придержали, —
Над далеким курганом курится дымок.

Там под склоном кургана бьет ключ
говорливый,
Там кусты тень и отдых уставшим сулят.
Там горят три костра, а меж ними красивый
К кольям мальчик привязан. И раненый взгляд,
Как у загнанной лани, зря ищет поддержки
Пробегая по кругу по лицам людей,
Что следили за ним, не скрывая усмешки,
Наслаждаясь мученьями жертвы своей.
Это вагов ватага, возвратясь из набега,
В жертву духам своим собрались принести
У кургана, в котором зарыт был их предок,
Паренька. Как такое могли мы снести?
Эти ваги, подобно шакалам и лисам,
Нападают всегда только исподтишка.
И тому, кто живым угодил к этим крысам,
Жизнь короткою будет, смерть —

долга и тяжка.

Ведь они не гнушаются грабить могилы,
Убивают еще не рожденных детей.
Кожу с раненых режут, из живых тянут жилы,
Все, что могут придумать для веры своей:
Своих духов они не вином угощают —
Кровью, муками, стонами пленных детей.
Всякий, кто держит меч, и кто честь уважает,
Убивать их считает задачей своей.
Не успели мы даже обмолвиться словом,
Как — из ножен мечи и на вагов! Вперед!
Пусть их двадцать, и каждый в кольчугу
закован,
Но кто честен и смел, тем обычно везет.

Был недолог бой, но помахать
Нам пришлось мечами от души:
Как словами можно передать,
Как Джуначи вагов тех крошил?

Он конем ногами управлял,
Руки для мечей освободив,
И метался в воздухе металл,
И сливался звон в лихой мотив.
Чуть левой Зироко меч взлетал
И описывал крутые дуги:
Кто со Смертью раньше враждовал,
Взял сегодня Смерть себе в подруги.
А Мугамби — даром с детства слеп —
Он на слух атаки отбивал.
А потом удар его окреп —
Он троих мечем своим достал.
Но злой рок нас все же подстерег,
Оступился у Мугамби конь
О сурочью нору, и пророк
Из седла упал лицом в огонь.
Услыхав его невольный крик
Бросилась Зироко на подмогу,
И, беда приходит не одна,
Конь Зироко покалечил ногу.
Слава духам и мечам, тогда
Вагов только трое оставалось,
И пока я одного достал,
От Джуначи двум другим досталось.

V

Какой путь приведет
К решению задачи?
Наш мудр и смел пророк,
Но с нами он не скачет:
Его мы увезли
В деревню мальчугана,
Что указал пути
От вражеского стана.

От большей спас беды
Мугамби шлем закрытый,
Но все же часть лица
Ожогами покрыва.
Ожоги закрывал
Слой из целебной мази,
А он все повторял
В болезненном экстазе:
“Вам время в путь идти,
А я в руках надежных:
С учеником таким
Слепому жить несложно”. —
В ученики он взял
Спасенного мальчишку,
Что след в степи читал,
Как я сонеты в книжках.
“Вас будут поджидать
И новые напасти,
Так тихая вода
Готовит вам несчастье.
Пройти придется лес —
Удачу меч добудет,
А чтоб на гору влезть
Левей тропинка будет
От тех дверей, что сам
Заколдовал Урамен.
Расщелина там есть,
И есть коварный камень.
Спешите, — повторял, —
Вас подгоняет время”.
Четвертый день настал.
Мы вдели ногу в стремя.
Наш путь туда лежал,
Где средь скалистых гор
Раздором польхал
Тот камень как костер.

Зло разгоралось в нем.
А нас сжигало солнце.
Песок пылал огнем.
Вода — на самом донце.
За миражем мираж
Прохладою манили,
Но шел отрядик наш
Отмеривая мили.
Неделя по пескам.
Ни одного колодца.
И солнце облакам
Закрывать не удается.

За песком пески лежали,
Только оживились кони —
Так последний раз бежали
Унося нас от погони.
Значит, это — не мираж,
А водой и впрямь пахнуло,
И Богиня Жизни плащ
Вновь над нами распахнула.

VI

Когда играли боги в кости,
Одна из них с небес упала.
Игрок поморщился от злости,
И эта кость горою стала,
Упала, преградив дорогу
Реке, бежавшей край пустыни,
И белоснежной недотрогой
Стоит, река ее не сдвинет.

Пришлось реке, смирив гордыню,
Петляя, новый путь искать
И, пробираясь по пустыне,
От зноя путников спасать.
Теперь лениво на просторе
Волна здесь шепчется с волной.
Вдаль смотришь — и как будто море —
Ведь берег не видать другой.

Мы вязанками хворост вязали
И на них преодолели реку.
Это нам Зироко подсказала, —
Для мантуи воды — не помеха.
После этой долгой переправы
Лошадей пустили на свободу.
Мы с Джуначи рухнули на траву,
А Зироко вновь полезла в воду.
Говоря, что вспомнить детство хочет,
Зацепила вместе три вязанки,
Собрала травы засохшей ключья
И устроила себе лежанку.

Сон разрушил близкий плеск воды:
Вышла вдруг вода из русла ночью
И запасы унесла еды...
А Мугамби это нам пророчил!
Что еда и сменное белье?
Нет Зироко и ее лежанки.
Вот сейчас вода несет ее,
А она — девчонкой на полянке —
Видит снова в сладких снах себя,
И в том сне еще родные живы:
Род мантуи на восходе дня
На плотках готовится к заплыву.

Ну а нас вновь путь далекий звал.
Слава духам, кони были рядом.
И теперь уж камень встречи ждал
С вдвое сократившимся отрядом

VII

Мы брели по грудь в трясине вязкой
И искали путь среди болот.
Больше не казался камень сказкой,
Были мы уверены — он ждет.
Притаился коброю в норе
И ужалить норовит раздором,
Ведь не зря ж на подступах к горе
Часто разговор кончался спором.
Вспыхнуть от любого пустяка
Ссора каждый день была готова,
И к мечу тянулась вдруг рука,
Видели врага друг в друге снова.
Злобу разум всеж превозмогал,
Появлялась на губах улыбка:
Сколько раз Джуначи помогал
Выбираться из трясины зыбкой,
Сколько раз вдвоем спина к спине
Мы в бою друг друга прикрывали...
А потом, как пузырек в вине,
Вновь обиды старые всплывали.
Вот тогда-то на исходе дня
У ручья на небольшой полянке
Развели костер и, разведя,
Брызнули вином из темной склянки.

(То вино нам подарили сеги —
Племя, где оставили Мугамби.)
На колени друг пред другом сели
И ножи поправили о камни.
Помолились мудрым духам доли,
И ножи одной сверкнули вспышкой —
Левые ладони прокололи
Так, чтоб лезвия наружу вышли.
А потом, ножи из раны вынув,
Сжали вместе раненые руки.
Братья кровные с Джуначи мы отныне,
Пламя и вода тому порукой.
Кровь теперь смешалась в наших венах.
Мы друг другу отдали ножи.
Наступили в душах перемены
Вновь конец раздорам положив.

VIII

Мы скитались по болотам и лесам,
Бились и с людьми, и со зверьем.
Путь пред нами к самым небесам,
Мы ж, упрямые, еще живем.
Вот — гора, и вот — ступени те,
Что ведут в заоблачную высь.
Здесь сидел Урамен в тишине,
Здесь слова пророчеств родились.

Мы ползли по каменным ступеням
Стершимся и скользким от тумана.
От усталости растягивалось время,
Голова шпыла, как от дурмана.
Но Джуначи лишь шептал сквозь зубы:
“Раз пришли — теперь не остановишь!”
И опять то ласково, то грубо:
“Вместе мы осилим, брат по крови”.
Сколько длился тот подъем — не помню,
Как его осилил я — не знаю.
До площадки мы добрались ровной:
Пропасть с одного зияла края,
А с другого — в вертикальной стенке
Словно нарисованы — ворота,
И левей — тропинка узкой лентой
Делала крутые повороты.
Снова, лишь перевели дыханье,
Вверх — туда, где цель всего пути.
Мы не знали, что же будет с нами,
Только знали, что должны дойти.
Сможем ли мы уничтожить камень?
А, быть может, словно Кен и Кит...
Ведь увидев дьявольский тот пламень
Кто перед соблазном устоит?
“Раздоров Сердце” звал нас и манил,
И в голове вновь мысли заплясали,
Что таны — вечные мои враги.
Зачем оружие мы вверх с собой не взяли?

IX

В этот раз не повезло Джуначи,
Он не видит красоты такой:
Пламенеет камень. Как иначе
Мрак он мог рассеять над собой?

Сказочным цветком во тьме пещеры
Разливал вокруг зеленый свет.
“Можно ль, глядя на него, поверить
В то, что камень — зло. То чей-то бред.
Не может быть прекрасное жестоким.
Его я должен вынести на свет,
Чтоб никогда он не был одиноким...”
Споткнулся я о низкий парапет,
Что на пути случайно оказался,
И два меча, упавши, увидал.
Мечи двух братьев. Я в силок попался,
Я больше жизни самоцвет желал!
На меч оперся, чтобы встать упрямо,
Но тот сломался под моей рукой,
И в пропасть лезвия осколок канул
Забрав “Раздоров Сердце” за собой.

Я выбрался обратно из пещеры,
Где у расщелины меня Джуначи ждал.
Он был сильней и по тропе шел первым,
Но камень, что Мугамби предсказал,
Вдруг выскользнул под шагом торопливым,
И тот, кто в стольких битвах уцелел,
Упал, да так, что для своей защиты
Он ничего и сделать не успел.
Три ребра он сломал, на валун угодив,
В голове от удара пшлю и кружилось.
Он подняться не мог, и его усадив,
И вошел я в пещеру. Уж так получилось.
А теперь нас дорога обратная ждет.
Отдохнем и отправимся шагом неспешным.
Мы сейчас наблюдаем, как солнце встает
Над Землей без “Раздора” — прекрасной,
безбрежной.

ИСПОВЕДЬ ЗИРОКО

Вдалеке от большой земли,
Среди южных теплых морей
Наш народ своей жизнью жил,
И доволен был долей своей.
Мы — мангуи. Мы дети волн.
Нам дельфины родные братья.
При рождении нас вода
Принимала в свои объятия.
Я росла и крепла. Как все
Плывать, прежде чем ползать умела.
Даже, кажется, помню как
Все рыбешку поймать хотела.
А в пять лет я уже легко
Управлялась с катамараном.
Судьба — чайка — раскрыв крыло
Разлучила с родительским кланом.
Мы — мангуи, и наш народ
По морям круглый год скитался:
Тростниковый строили плот
И семейный клан отправлялся.
Целый год — чайки, море да ветер,
И кого-то встретить удача...
Так и жили: от встречи до встречи
И умели решать задачи,
Что морские подбросят мили:
И детей принимали в море,
И покойников в нем хоронили.
Мы — как дети — не знали горя.

Но однажды в год все мантуи,
Кланы все собирались вместе.
В это время стихали бури.
Жгли костры мы и пели песни.
Есть среди моря зеленый остров,
Все мантуи тот остров знают,
С окончанием злых сезонов
Как один туда приплывают.
Говорят, что в тех водах жили
Два дельфина, два резвых брата.
Веселиться они любили
От рассвета и до заката.
И однажды в лихой погоне,
Иль играя неаккуратно,
Младший брат вдруг покинул море
И не смог возвратиться обратно.
Он томился под солнцем жарким
На траве и хватал ее клювом.
Жажда. Смерть казалась подарком.
О спасении и не думал.
Из травы стал сок выделяться,
Он глотал его в смертной муке
И внезапно стал изменяться:
Плавники превратились в руки,
В две ноги вдруг хвост превратился,
А потом изменилось и тело —
Так мантуи на свет появился
И, о море заплакав, сел он.

И с тех пор ежегодно вместе
Собираются все мантуи.
Десять дней распевают песни
И у ярких костров танцуют.
В море юноши, состязаясь,
Добывают для клана славу
За жемчужинами ныряя,
Выбирают невест по нраву,
Им пригоршнями дарят жемчуг,
Договариваются о свадьбах
И торгуют лен у приезжих,
Чтобы сшили невесты платья.
Но уже на десятые сутки
Род мантуи уходит в море.
Мы — от старца и до малютки —
Как дельфины живем на просторе.
Только три десятка человек
Остров круглый год не покидают:
Восемь мудрецов, чей долог век,
Кто секреты мира постигают.
Каждый год себе учеников
Среди наших кланов выбирают,
Отобрать достойных нелегко,
Я теперь сама об этом знаю.
К одному из них в ученики
Я попала, мне лет восемь было.
Видел он — на берегу реки
Попугаю я крыло лечила.

Так осталась я на берегу,
Когда клан мой вновь покинул остров.
Даже рассказать вам не могу
Как привыкнуть к берегу непросто.
Но плескалось море о скалу,
И учитель — его Гродо звали —
Часто отпускал меня к нему,
Понимал он детские печали.

У него уже был ученик.
Вместе мы в одной пещере жили,
Где учитель снадобья хранил,
Они клан родной мне заменили.
Мне давались знания легко,
Хоть секретов было в нем немало,
И, хотя меня к воде влекло,
Я на скалах собирала травы,
Их сушить училась и хранить,
Узнавать по запаху и вкусу.
Пусть себя не принято хвалить,
Стала все же травником искусным.
Мы сушили травы на весь род,
Мази и настои составляли.
Ни один клан в море не уйдет
Так, чтоб наших снадобий не взяли.
Я училась раны заживлять
Заговором, руконоложеньем,
Боль чужую на себя принять
Прочь отбросив страхи и сомненья.
Узнавать болезни по глазам,
Иглам их изгонять из тела,
Роды принимать и кость вправлять
Я к семнадцати годам умела.

В этот год я повстречала счастье,
В этот год я проиграла смерти.
Говорят, что сильные не плачут,
Но вы этой глупости не верьте.
Я уже давно других лечила,
Доверял мне Гродо. И немало
Я болезней разных победила,
Ведь от клана к клану кочевала
На своем катамаране быстром
При себе имея мази, травы.
И всегда дельфины были близко,
Любовалась я на их забавы.

Этот год был страшным для мантуи:
В дни дельфина кланы, собираясь,
Мор неведомый с собою притянули,
Что в далеких водах подобрали.
Встретил клан один в безбрежном море
Лодку, в ней — больного человека.
Смугл и худ, хватил, видать, он горя,
Был беспомощнее, чем калека.
Для него мантуи не жалели
Ни настоев трав, ни свежей рыбы,
Только вот болезнь не одолели.
А через неделю клан тот прибыл
К месту ежегодной встречи рода
И костер свой яркий разложили.
Только, жаль, горел костер недолго —
Люди клана лишь три дня прожили.
Мы же, лекари, болезни той не знали
И не знали средства от напасти,
И из трав настои составляли,
Чтоб хоть силы сохранить несчастным.

Вот тогда, в отчаянной надежде,
Гродо взял меня в глухую бухту
Траву собирать. Ее я прежде
За сорняк считала безыскусный.
Говорил, легенде старой вторя,
Что травы вот этой самой сок
Спас дельфина, что покинул море,
И теперь, возможно, будет прок.
И был прок. Добавив сок в отвары
Мы больным здоровье возвращали.
И эффект побочный был, в угаре
Мы его тогда не замечали:
Волосы седые потемнели,
На лице разгладились морщины,
И, как в сказке, вдруг помолодели
Пожилые женщины, мужчины.
Нас спасла трава от вымиранья,
А купцов приезжих — от болезни,
Но на том не кончились страданья,
Все усилья были бесполезны —
Умер Гродо, мой учитель мудрый.
Каторжная мору помогла работа:
Сок давил он, чтобы жили люди,
Про себя же позабыл в заботах.
Умирая, он шептал: “Зироко,
Старшим лекарем теперь тебе быть, дочка.
Повзростеть тебе пришлось до срока.
Помни, до последнего листочка
Трав запасы для людей готовим,
А себе — лишь столько, чтоб осталось
Сил других спасать. Тогда мы стоим,
Чтобы имя наше вспоминалось”.

Мор был страшен. Меньше стал в три раза
Род мантуи, но, однако, выжил,
И пусть позже, и пускай не разом,
Но опять, как раньше, в море вышел.

Все вздохнули, было, с облегченьем,
Но беда другая ожидала:
Умерли при море все младенцы,
И лишь мертвые на свет рождались.
Сок травы, что спас от смерти женщин,
Ядом стал для тех, кто был в их чреве.
И врачей, при море уцелевших,
Стали проклинять мантуи в гнев.
И сама я родила ребенка мертвым,
Разум с горя чуть не помутился.
Род за три последующих года
Еще вдвое-втрое сократился:
Гибли в море смелые мантуи,
Женщины себе взрезали чрева...
Лекари же в пору эту злую
В горы скрылись от людского гнева,
Там детей учили уцелевших
Врачеванью, заговорам, травам
И искали в опытах поспешных
Средство от коварной той отравы.

Весть прочли нескоро в клубах дыма
Радостные слезы не скрывая:
"Родила одна живого сына,
И готовится родить другая".

Пятый год тогда шел после мора,
Видно, яд тела людей покинул,
И надежда брезжила, что скоро
Род мантуи наберет вновь силу.

Дни дельфина дольше срока длились
В этот год — последний год мантуи...
К нам купцы чужие вновь пришлыли.
Отдавали ткани не торгуясь,
Обещали бешеные цены
За секрет коварного напитка,
Юность возвращающего в тело
И дающего мужчинам сил в избытке.
Ведь купцы — мужчины и, очнувшись,
Страх забыв, своей дивились коже,
Кое-кто из них, домой вернувшись,
Выглядел сынов своих моложе.

Мы же — чашу горькую испили
И купцам в напитке отказали.
И, клянусь, что так же поступили б,
Если б даже о грядущем знали.
Вдруг купцы в пиратов обратились,
Не смотря где женщины, где дети, —
Как мечи у них не затупились? —
И мантуи больше нет на свете.

Я упала с рассеченной грудью
В море, и волна меня, лаская,
Унесла вновь в бухту, где мы с Гродо
Траву для лекарства собирали.

Там, теряя силы и надежду,
Вновь глотала капли влаги терпкой...
Выжила, спаслась, но уже прежней
Я не стану. Только лишь окрепла —
Свой катамаран пустила в море.
Много лет прошло, но и доньше
Я свое не позабыла горе
И корабль пиратов в море синем.
Луком и мечем теперь владею,
Убиваю так же, как лечила.
Телом молода — душой седею,
Там лишь жажда мщенья не остыла.

Я пришла к вам, мудрые шаманы,
И открыла сердце без утайки.
А сейчас я удалась из стана.
Вы судьбу мою теперь решайте.

Звезды в небе прячутся за тучи.
Тучи гонит непоседа ветер.
Обдувал он гор высоких кручи
Где-то там, на самом крае света.
Там над морем нависают скалы,
Реют чайки среди пенных волн.
Там какой-то незнакомец странный
Гонит в даль морскую утлый челн.
У него с собой воды бочонок,
Крепкий парус да рыбацьи снасти.
На груди — крест в церкви освященный,
А в душе — презрение к напастям.
Слышал он, что там, за окоемом,
Остров есть, врать старики не станут,
Лесом круглый год покрыт зеленым.
Властвует там лето постоянно.
Дедов деда про тот остров знали.
Жил народ там видом непривычный.
Лен на жемчуг прадеды меняли
И напиток очень необычный.
Лекарь жил на острове известный,
Даже имя помнится — Зироко.
Он из трав варил настой чудесный:
Кто попробовал, тот мог прожить два срока.
Но потом случилось что-то в мире,
И забылась к острову дорога.
Говорят, всех тех людей убили
Люди с островов других жестоко.
Может быть, конечно, это сказки...
Но жемчужины в уборах женских
В море юношей зовут от ласки
Матерей на поиски легенды.

СОДЕРЖАНИЕ

Навались на меня беда	3
Я никогда тебя своей не назову	4
Я тебя прокляну	5
Ты любовница не моя	6
“Встреча”	7
Посредине пустыни	8
Я хочу с тобою встретиться во сне	8
Эта пьяная ночь	9
Меня целует женщина	10
“Вечер счастья”	11
Тепло изломано	12
Нам с тобою не о чем жалеть	13
“Скажи почему?”	14
Мир — надвое	15
“Прощай!”	16
Сквозь горячность наших встреч	17
Ах, безумие ночей!	18
От одиночества двух душ	19
“Резюме”	19
“Триптих”	20
“Лунный конь”	24
Вновь небосвод глубиною манит	25
Запах ушедших минут	26
Снова дождь за окном	27
Дорога в никуда	27
“Заветное”	28
Возле тихой обмелевшей речки	29
Пусть христиане мы с тобой	30
Предназначена грусть	31
Там, где кончается вчера	32

Из жизни в жизнь переходя	33
“Мнение заблудшей овцы”	34
Мерно времени ход	35
Есть белый свет	36
Вновь черный снег	37
Грусть тянет вниз свинцом	38
Он отбился от стаи	39
По низкому небу тяжелые тучи	40
Не ищи меня в ночи	41
Осение ночи	42
Я понял вдруг	43
Раздоров сердце	45
Исповедь Зироко	61
Звезды в небе прячутся за тучи	70
Содержание	72

Автор благодарит за помощь в выпуске
сборника спонсоров КУЗНЕЦОВУ Наталью
Николаевну, САЮТИНУ Веру Ивановну,
ФАСТ Сергея Абрамовича и Комитет по
культуре Администрации Павловского
района в лице ЗЯБЛОВА Александра
Никаноровича.

ПОПОВ

Андрей Семенович

Родился в 1962 году в селе
Рогозиха Павловского района.
В 1985 году закончил
физический факультет
Алтайского государственного
университета.
Работает учителем физики.
Это первый сборник автора.

*Я открываю в душу щель.
Тому, что видишь там – не верь;
Меняю маски как Гьеро,
Когда берусь я за перо.*

*Но там, в стихах, на самом дне
Есть капли правды обо мне.*

Барнаул
2005